

Годовая цена I-го издания:

С 12 раскрашенными картинами:

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	4 р. —	и.
съ доставкою	5 • —	—
— съ пересыпкою	6 • 75 •	—
Въ Москвѣ безъ доставки	4 • 75 •	—
— съ доставкою	5 • —	—
— съ пересыпкою	6 • —	—

Содержание: Сороковые красы парижанок.—Пряграх. Счастья. (Октябрь).—Брутусъ или путешественник.—Норма золы.—Феистон.—Сифа.—Продолжение писемъ ред. № 3.—Объясненія.

СОВРЕМЕННЫЕ ИРАВЫ ПАРИЖАНОК.

Исторический очерк Ганса Валленхуза.

I.

Общие и частные взгляды автора.

Чтобы подлежать никакому сомнѣнію, что вѣдь женщины ангелы; только при этомъ обыкновенно упускается изъ вѣда, что недѣль ангел Господа Бога былъ въ тоже время и красавицей ангела.

Не знаю, существовали ли уже втогда скуча; но если она есть нечто иное, какъ линченіе того, чѣмъ другое шумно убѣждаютъ премы, то очевидно она могла возникнуть только по мѣрѣ изобрѣтія развлечений.

Съ тѣхъ поръ какъ изобрѣтѣя были скуча, появилась беда непрерывныхъ занятій, которыми посыпали свои руки работники, скепулянты и мыслители.

Не удивительно, что все создаваемое ими прекрасное и выходящее изъ обыкновеннаго уровня, преимущественно посыпалось «Вѣшнѣ твореній».

Выкапывали золото изъ мрачнѣшихъ бездѣлъ земли, ловили жемчуги изъ сокровеннѣйшей глубин моря, искали драгоценныя камни въ самыхъ тайныхъ рудникахъ и украшали всѣмъ этими вѣнцами творенія Божія.

И такъ, все лучшее и драгоценѣйшее, что человѣческое добывало и вырабатывало въ поѣзда лица, дѣжалось въ честь и для украсенія женщинъ, а это существо, оказавшееся салѣмъ съ самого первого шага, дошло наконецъ до того, что чѣмъ не колыбелью стало требовать зеркала, чтобы убѣдиться въ своей красотѣ.

Короли преклонились къ ея стопамъ. Мудрѣйшие изъ мудрецовъ творили ради ея величайшую глупости. Народы истребляли другъ друга единственно изъ женскаго каприза. Поэты и художники прославляли женщину; да и вообще, есть ли на всей земной поверхности хоть одинъ человѣкъ, который не испытала бы страсти или несчастья по милости женщины?

Если ужь первая женщина на землѣ испортила первоначальный планъ сотворенія мира, то какже могутъ устоять планы, замышляемые

Журналъ «МОДНЫЙ СВѢТЪ»

выходитъ въ количествѣ 45 номеровъ въ годъ со 1500 волнистыми расцветками на страницахъ, въ видѣ золотыхъ и серебряныхъ изображений на темы изъ литературы, истории, мифологии, а также изъ изображений парижанокъ модъ.

Оформление въ журнале «МОДНЫЙ СВѢТЪ» производится изъ Конторъ Редакціи и въ

матеріала для тканей до 10 кв. м. за группу цветовъ или за ея цѣль.

Цена 12 копейки.

Годовая цена II-го издания:

С 24 раскрашенными картинами:

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	5 р. —	и.
съ доставкою	6 • —	—
— съ пересыпкою	7 • 75 •	—
Въ Москвѣ безъ доставки	6 • —	—

Содержание: Сороковые красы парижанок.—Пряграх. Счастья. (Октябрь).—Брутусъ или путешественник.—Норма золы.—Феистон.—Сифа.—Продолжение писемъ ред. № 3.—Объясненія.

обыкновенными смертными. Напрасно мужчина думаетъ и предполагаетъ. Понадобится ему по-переѣдороги женщина и вѣдь планы летѣть въверхъ дномъ.

Иногда мужчины былибы можетъ быть героями, еслибы женщина не вырвала у нихъ оружія; еслибы учеными, еслибы женщина дала имъ премы учиться; богатыми людьми, еслибы она не тренировала ихъ денегъ; всевѣрѣнными путешесственниками, которымъ открылись бы много новыхъ странъ, еслибы женщина не удерживала ихъ дома.

Безчисленное множество великихъ дѣлъ было бы совершено и громадное количество глу-гостей никогда бы не появлялись на свѣтѣ, еслибы небыло женщинъ. Однако, всетакъ прекрасно, что женщина существуетъ, потому что, Богъ знаетъ, чтобы дѣланія бѣзъ неї вѣдь мужчины продолжали вѣдь прожитыхъ ими ст旤ѣ.

При существующемъ положеніи дѣлъ, женщина есть для насъ на этомъ свѣтѣ икто-гортанымъ образомъ то, что ожидаетъ на-на-тому свѣтѣ — блаженство или наказаніе нашей жизни, нашъ рабъ или нашъ адъ. Нужно впрочемъ надѣяться, что и то и другое въ будущей жизни распредѣляется гораздо справедливѣ.

Какъ первый человѣкъ не могъ устоять противъ вліянія женщины, такъ продолжается и въ послѣдующихъ тысячелѣтіяхъ. Даже въ современной государственной жизни, мужчина сдается отъ женщинъ только тѣмъ, что недѣль дѣлъ въ государственномъ управлѣніи.

Мужчины составляютъ законы, но бываютъ и такъ, что сперва женщина создаетъ по своему законодателемъ.

Всѣ гражданскія преимущества, которыхъ мужчина имѣетъ сравнительно съ женщиной, исчезаютъ тотчасъ же, какъ мужчина перешагиваетъ чѣрезъ порогъ своего дома. Онѣ исчезаютъ съ семьей, въ обществѣ и даже, такъ какъ теперь у насъ важнейшими государственными дѣлами обсуждаются не на открытомъ форумѣ, то нѣтъ ничего удивительнаго, если въ нихъ окажется подъ чѣмъ вліяніе прекрасной половины человѣческаго рода.

Во Франціи женщина постигла искусство быть вѣльмъ. Въ общественной жизни, она пред-ставляетъ такъ сказать флагерь, видимый со

всѣхъ сторонъ со всѣмъ его прелестями. Ни-гдѣ ей могущество такъ не упрочено какъ здесь и она это знаетъ.

Въ политіи она тайно держитъ въ рукахъ руководящую нить и никто неподозрѣваетъ, что запутавшій европейскіе вопросы получили начало въ какомъ нибудь роскошномъ буда-рѣ, на какой нибудь малой провинциальной кустѣ. Въelderstie какой нибудь пары словъ, про-изнесенныхъ розовыми губами.

Во Франціи есть княгиня Полу-свѣта, но есть также и княжеский полусвѣтъ, который не боится подѣлить чѣмъ принять на себя роль по-литического агента.

Въ семье здѣсь женщина далеко не считается дѣтской и кладою своей исключительной об-ластью. Сиятельность материнскихъ обязанностей никогда не поглощаетъ ея всѣхъ и не застав-ляетъ забывать своихъ обязанностей передъ обществомъ. Пансонъ очень скоро является из-бавить её отъ обузъ и возвратить къ удоволь-ствіямъ жизни.

Участіе въ дѣловомъ сторонѣ жизни мужчины, есть необходимыя потребности Парижанъ сред-ниаго класса, которой она и удовлетворяетъ не-премѣнно. Здѣсь женщина отличнѣйшій бухгал-теръ и кассиръ. Странно, что духъ экономіи также сильно развитъ въ одной половинѣ па-рижскихъ женщинъ, какъ духъ расточитель-ности въ другой. Одна половина искушаетъ въ Ленежномъ отношеніи всѣхъ другихъ. Однѣ бросаютъ золото въ окно, другіе сидятъ до ночи надъ своимъ счетами и книжками, въ которыkhъ безъ сомнѣнія неизвѣстно, что здѣсь ру-ка не вѣдѣла куда идти деньги тщательно по-лучаемыя правою.

Въ безличномъ мѣрѣ моды, развлечений и живописныхъ письменій, все во Франціи вер-тится около женщины. Невозможно встрѣтить трехъ веселящихся французы, безъ того, чтобы съ ними небыло женщинъ; а если женщи-на не только одна на троихъ, то дѣло рѣдко об-ходится безъ катастрофы.

Что значатъ воспитаніе и вся заботливость добросовѣстнѣйшихъ педагоговъ и событниковъ? Едва мальчикъ выходитъ изъ ихъ рукъ, его захватываетъ женщина и вводитъ въ жизнь подъ своимъ руководствомъ. Она показываетъ ему, что всѣ прекрасныя правила, всѣ возы-

шешная мораль, которой ему такъ надобдала, чисто апое какъ пустыя теоріи, изобрѣтанныя калеками людьми, которые никогда и не знали, чѣмъ можетъ быть счастье для того, кто имѣеть мужество и потребность любоваться солнцемъ и вѣль что оно обсыщаетъ своими лучами.

И разъ изъ тысячи разъ однѣ, это учение падаетъ на замкнутое почву.

Цѣлью поколий собрали громадныя богатства для одну семью. Отсю оставили наследство смущу, а тотъ въ свою очередь приносилъ огромныя суммы. Наконецъ, хорошенькая женщина доказываетъ смущу изъ третьемъ поколій, что всѣ эти капиталы собирались единственно для ея особы. Она растратываетъ миллионы въ нѣсколько лѣтъ и доводитъ богатого наследника до долговой тюрьмы.

Какъ мы сильно будемъ раскаинание этого бѣдника, но все-таки сознаніе того, что она была счастливка, прольется пѣбѣднымъ бальзамомъ на ее раны.

Въ письмовыхъ классахъ здѣсь бездна обмана и воровства, такъ что рѣшительно не хватаетъ бы судей, еслибы брать по судье на каждое преступленіе, возникающее изъ выраженныхъ инстинктовъ этой сферы. Въ сфере болѣе развитой, женщина является по большей части чистой или открытой пружиной всякаго судебнаго дѣла.

Общественная, семейная или дѣвичья жизнь мужчинъ находится подъ деспотическими управлѣніемъ и онъ совсѣмъ не имѣетъ воли, пока еще дѣйствуютъ на немъ страсти. Биологізмъ ему не достаетъ уже энергии и силы возвращать разъ утраченное могущество.

Поэты говорить о какой-то области сердца, во такая область еще и не открыта во Франціи, такъ что прыжкии Павла и Виргини, хотя и происходящіи на какомъ-то очень отдаленномъ островѣ, считаются разудительными ядовиты не болѣе какъ дѣтской сказкой.

Область сердца есть какая-то сказочная и неѣшная страна, где все дѣлается *арифма*, где нѣть не мѣбельныхъ магазиновъ, ни золотыхъ дѣлъ мастерствъ прочихъ галантѣнейостей. Босоногая любовь можетъ показать существовать въ провинціи, или гдѣ нѣбуть у застакъ въ рабочихъ кварталахъ, и то лишь до шестнадцатилѣтнаго возраста, когда дѣвушка впервые начинаетъ *огулиться*. Но на бульварахъ невозможнѣе появиться съ босыми ногами.

Надѣять на себѣ какъ можно менѣе пласти на всѣстороннѣй модѣ поползетъ, но лишить себя чѣмъ нѣбуть изъ бѣдности непростительно.

Здѣсь слыхали, что въ области сердца существуютъ законы, которые рѣшительно невозможнѣе согласовать съ законами реальнаго мира, до того они противорѣчатъ всѣй организаціи человѣческой природы. Для нихъ показалъ пришелъ-бы, чего доброго, перестрѣливать цѣлое общество.

Ну тогда бы Пропидѣніе надѣлѣть женщину красотою, для того, чтобы она сидѣла въ четырехъ мрачныхъ стѣнкахъ, а не укрывала своимъ присутствіемъ сѣѣ? Разѣлъ можно окказать миру какую-нибудь пользу, когда она находилась въ нишѣ и убогости? Разѣлъ руки для того созданы такъ красиво, чтобы уродовать ихъ трудной работой? Разѣлъ прекрасные глаза назначаются для проявленія сѣѣ? Разѣлъ красивыя зубы даны женщинѣ для того, чтобы она ихъ портила грѣбной пищею? Для чего нѣбо намъ дало узбуки? Разумѣется для того, чтобы выражать свое личное счастье въ дѣлѣтъ стачиваниемъ.

Надѣло оставаться — въ бѣдности, когда можно изъ неї выйти; фраза, что можно быть *счастливымъ въ бѣдности*, изобрѣтена неопыт- ными и исполненными предрасудковъ людьми; гораздоѣтре, что тогъ не заслуживаетъ бѣдности, кто не уѣхѣтъ быть счастливымъ съ его помощью.

Есть-ли заслуга въ томъ, что человѣкъ бѣдъ? Никакой! Вѣдъ *каждый* можетъ сдѣлаться бѣдниномъ, даже самъ Крѣль, если захочетъ распорѣтъ свои деньги. Есть-ли заслуга быть бѣдѣтъ? Не всегда, потому что есть достаточно глупцовъ, которые не умѣютъ пользоваться дарами судьбы. Есть-ли заслуга быть счастливымъ? Безъ всякихъ сомнѣній. Соедините все спомогательныя средства внутреннія и вѣнчанія, которыми пасъ наѣздникъ природы, обра- тите ихъ въ свою пользу и лишь настолько въ выгоду *оружія*, на сколько она связана съ вашей собственной; занимайтесь отъ другихъ все, чего вамъ недостаетъ и берите только умѣчье, тогда съ вами никто не будетъ спорить; пуше всего берегитесь слишкомъ глубокихъ чувствъ, могущихъ ослабить ваши способности. Если же небо не одарило васъ этими вѣнчаніями и внутренними способностями, составляющими условіе счастья, то пожалѣйте себя, но отнюдь не пренебрегайте ихъ примѣненіемъ, если онѣ у васъ окажутся.

Нельзя сказать, чтобы вышеприведенная мораль читалась въ Наріже съ квадро въ какойнибудь школѣ, но тѣмъ не менѣе, вы покончите съ наполеономъ на эти принципы.

Эту дигмату научается ребенокъ въ мастерской, въ темной каморѣ привратника, на бульварахъ, въ салонахъ, даже въ театрахъ. О немъ говорятъ зеркала въ магазинахъ, ма- щающіе къ себѣ ребенка для того, чтобы со-общить ему, что онъ красивъ; о томъ же говорятъ миллионы глазьевыхъ лазьевъ въ фона- рахъ и лампахъ, платья и индѣйскіе камешки на выставкахъ, жемчуги, рубины и бриллианты въ ювелиріи; о томъ же говорятъ гордѣе небо и зеленый лугъ, Буленгѣръ лѣсъ, Версалскіе фонтаны, все, все жрутъ и шелестятъ одни и тѣ же рѣчи и нужно быть очень исполнительнымъ, чтобы наконецъ ихъ не усвояить.

II.
Роскошь. Моды. — *Chemin de paradis*. — Пер-
лы и діаманты.

Потребность роскоши незаподобна; она сдѣлалась экономической необходимостию націи, ибо плюетъ миллионы, которые останутся безъ хлѣба, какъ скоро человѣчество рѣшится ходить по свѣту въ холстинныхъ мѣшкахъ.

Доказывайте, что шелкъ предъѣдѣ для здорово- ры, что мы умраемъ здѣшнотою годами ра- бѣти, потому что носимъ исклевыя ткани; доказывайте, что каждый металлъ, даже самъ благороднѣй, имѣетъ разрушающеемагнитическіе дѣйствія на первыи тѣло; доказывайте, что жемчугъ есть зловитое выѣзданіе вредныхъ мо- люсковъ, что бриллианты являются шаранта- ми изъ угольевъ и ничѣмъ не лучше обычнѣнныхъ камней; доказывайте, что все наше по- варенное искусство есть ничто иное, какъ самая утонченная смѣсь ядовъ и что всѣмъ, употребляющимъ въ пищу яства кромѣ хѣбахъ, масъ и кашъ, есть канцеридъ по пойкотики — это- му конечно никто не поверитъ, но если бы по- пытала, то мѣръ вѣрить не ужисиѣе обѣдѣст- вия и сѣѣбѣ убивалъ бы соѣда за кусокъ червя- го хѣбахъ.

Съдовательно, роскошь есть основа нашего национальнаго благосостоянія.

Подчасъ, при видѣ расточительности и всѣхъ дорогихъ *канпизовъ*, изъ которыхъ состоятъ женскія моды, мнѣ приходитъ въ голову стран- ная мысль:

Я встѣрпѣю на бульварахъ, въ Елисейскихъ Поляхъ, въ Булонскомъ лѣсѣ, женщины въ не- вѣроятныхъ костюмахъ. Мода дѣлаетъ ихъ то Амазонками, то Индіанками, то восточными жен- щинами, то средневѣковыми баронессами, то на- конецъ жокеями. Достаточно безуиной фантазии

одной модистки еп *vogue*, для того, чтобы въ цѣломъ сѣѣ пропасть самъ неожиданный маскарадъ. Модные журналы разносятъ по всей землѣ эту фантазию въ раскрашенныхъ картинахъ на радость вѣчнѣ суетными женщинами.

То что вчера было современно и въ стилѣ, сегодня уже устарѣло и непрерывно.

Шелковый фабриканter долго ломаетъ голову надъ тѣмъ, ибо нѣбуть необычайны и наконецъ ему приходитъ идея. Онъ употребляетъ отъ 20 до 50 тысячъ франковъ на новый рисунокъ, быть можетъ самымъ несобразимымъ, но за то у него есть сиони съ задающими тонъ модистками, съ поэтами прославляющими моду, съ *assez-bleus de reinees*, съ редакторами самыхъ фешенебельныхъ журналовъ. Проходить пѣснико- вое нѣдѣль и новая матерія разыгрывается за геральдическими стендами.

Вѣдь идти мимо и воскликнуть: «какая скверноть!» Ничего! по прошествіи недѣль, чудовище появляется въ салонахъ и вскорѣ разойдется по всей Европѣ. Можно прогрѣтъ противъ всѣхъ законовъ въ остаткѣ порочнѣмъ чѣловѣкомъ, только мѣлья попрать занавесъ моды.

Когда нѣбуть книжки *тюнда* или *деми-пюнд* попадутъ на скакачахъ, въ театрѣ, въ салонахъ или на гуляньяхъ въ *неслыжаномъ* костюмѣ, которымъ долгъ и усердно обдумывалъ со своей портной. Вѣдь приходитъ въ восторгъ; еженедельныи хроники моды толкуютъ объ этомъ изданіи, опишаютъ оригинальность этого костюма и черезъ мѣсяцъ онѣ принять, ибо законъ моды выдается совершенно авторитатическимъ и не требуетъ утверждения.

Вѣдь костюмы, которые существовали въ исторіи прошлыхъ столѣтій, снова възываются къ жизни. Одѣваются *la Mentonaise* и *la Cora* Нерѣ. Сегодня преобраздѣтъ мода одѣяния эпохи, завтра другой, отъ первыхъ времѣнъ рапартии до эпохи рентгента, въ которую мы можемъ всего сильнѣе погружаемся въ настоящую минуту.

Любовь женщинъ къ первѣнкамъ такъ велика, что онѣ не рѣдко доходятъ до самоножрѣванія и собственными руками искашаютъ свою красоту, обвязавшись въ безумнѣйшіе наряды.

Новые моды вообще принимаются страстно не потому что онѣ хороши, а потому что требуютъ новыхъ денегъ. Вѣдъ самый главный признакъ *ком-иллюзіони* сорить деньгами на ненужныи вещи.

Въ противоположность невѣроятнѣмъ сказкамъ женскіхъ модъ, мужчины въ Наріже держатъ строгой простоты. Черній фракъ и цилиндръ ненѣмѣнны. Для менѣе церемоннаго костюма употребляются темные цвета съ оттенками.

Только такъ называемыи *Reine de Crevés* позволяютъ себѣ всякии странныи указенія.

Чтобы было, если бы и мужчины почувствовали туже модную лихорадку вдругъ начали одѣваться рицарями въ шлемахъ съ забралами, или *la Brokmeier* въ кожаныхъ кафтаны, или *la Poza* въ коротенькомъ бархатномъ плащѣ. До послѣд资料не впрочемъ не особенно дѣлано. Кто былъ бы въ состояніи подумать обѣдѣтельной жизни, если бы и мужская мода впадла въ излишества въ родѣ бриллиантовыхъ аграфовъ на шляпахъ, Брюссельскіи кружевы на пальцахъ, рубиновъ и жемчугу на пальцахъ или по-имени Исидору Мадрітскому, даже бриллиан- товыхъ пуговицъ на панталонахъ?

Изъ любви и синкогденія къ слабостямъ своей женщины, мужъ способенъ на отрѣбеніе, но синкогденіе не моглиженщины принести бы жертву изъ такого-же побужденія. Синкогденію часто, въ несчастіи, онѣ жертвуютъ роли роскоши тѣмъ, что составляютъ ихъ благороднѣйшее украшеніе — добродѣтелью.

Не будетъ ошибки, если мы скажемъ, что пять шестыхъ женщинъ отрѣбиваются отъ добродѣтели ради того, чтобы имѣть богатство и толь-

ко одна шестая падает по страсти или славости.

В нарижъ иль ничего легче какъ обойтись безъ невинности, о которой вообще не бываетъ въ рѣчи. Отношения двухъ половъ между собою скорѣе творческіе и не предполагаютъ сильныхъ страстей. Сходятся между собою, какъ хороши команьи, съ тѣмъ, чтобы приятно провести время.

Жанъ находитъ Жаннету хорошенькой, а Жаннета находитъ, что Жанъ добрый мальчик. Вотъ и достаточная причина для того чтобы сбиться, поѣхать въ театры, рестораны, гулянія; при чемъ само собою разумѣется, что Жанъ всѣми силами долженъ заботиться о поддержании ея туалета, такъ какъ *его собственный интерес требуетъ, чтобы она казалась какъ можно краснѣй*.

Какъ скоро наша пара высказывалась и не имѣть сообщить или открыть другъ въ другѣ ничего нового, начинается скуча и никто не мышаетъ ей разобщиться и искать другого союза.

Пока на строите дважды было еще невѣдѣніе, но съ тѣхъ поръ какъ она узнала, что другие находятъ ее хорошенькой, глазамъ ея открывается нѣкоторая перспектива, въ глубинѣ которой уже мелькаютъ модные и ювелирные магазины.

Съ этихъ поръ уже начинается такъ называемый «рабій путь» (*chemin de paradis*), который можетъ привести всюду и, по законамъ Нарискового общества, не представлять никакихъ опасностей, если только по нему идти съ нѣкоторой осмотрительностью.

Чтобы не удаляться отъ современности, сценѣи *de paradis* можно уподобить желѣзной дорогѣ. Конечно на желѣзныхъ дорогахъ съ пущественниками случаются иногда и несчастія, но пущественники осторожно почти никогда не соскакиваютъ съ рельсовъ. А за то скорость, сильное ощущеніе! Станцы этой дороги такъ же хорошо известны, что почти походить одна на другую; разница только въ томъ, что одни блаже, другие дальше отъ цѣла.

Прежде, еще лѣтъ десять назадъ, эти же сквайлы пущественными соединены были съ различными опасностями и случайностями. Была еще нѣкоторого рода страстность въ премахъ, которыми начинчалась подобная *карьеръ*. Оргии, вакханалии имѣли еще позы головокруженія.

Случались катастрофы, нападали отчалие, страхъ, опушалиась ненависть, раскаяніе, месть, кончалось иногда самоубийствомъ, вообще были склизкіе ощущенія и настроения, доставившій драматический материалъ Дома смы и другимъ драматическимъ писателямъ. Тогда еще героями были нѣкоторымъ эффектомъ удалившіися въ монастырь или въ пинсон *de sainte*, а теперь — *стѣи прекрасныхъ вещей исперсаны*; теперь осталась только одна торговля сѣдѣлка. Теперь нестоитъ много толковать о добродѣтели и невинности, потому что это вещи ходящія по рукамъ, какъ портмоне или другія туалетные предметы. Ходжаны регулируются теперь какъ часы, которые переставляютъ впередъ или назадъ, и по-враждѣя при этомъ внутреннаго механизма или душа. На красоту таны — же полюбительная танка, какъ на любой таможенный товаръ, азвиленіе всего — есть постоянно *роскошь*, шелкъ, бархатъ, золото, бриллианты, но конечно въ томъ счуту можетъ пойти и дорогая мебель съ экипажами.

Уже изъ вступленія читатель могъ замѣтить, куда клонится моя очеркъ.

Можетъ быть эта картина изъ современного дамскаго общества выйдетъ немножко черезъ чур реальнъ, но мнѣ невозможно писать иначе какъ съ настури и я и хочу принадлежать къ личностямъ, составляющимъ въ себѣ собственную фантазію образъ, не встрѣчающимъ въ нашей жизни. Хотѣть пѣтнѣть на моей головѣ, а я буду описывать мѣръ какъ онъ есть. Пусть кла-

нутъ его моралисты, а мое дѣло только вѣрно скватъ его

Какъ часто завидую я нашимъ художникамъ, которые имѣютъ счастіе писать на полотнѣ мѣръ бумаги. Они напишаютъ на нихъ прекрасную женскую фигуру и если удалось имъ уловить натуру во всемъ ея величествѣ совершенства, то задача исполнена. Имы дѣла имѣть счастливые дни до того, что происходит въ этомъ прекрасномъ тѣлѣ!

Если одинъ изъ нашихъ современныхъ Тиціановъ нарисуетъ прекраснѣйшую женщину *съ матерью*, весь мѣръ будетъ ему удивляться и вѣтъ провозглашаетъ его величіемъ художникомъ. Приди же я и расскажи этимъ людямъ, съ очевидчившими доказательствами и самой неизмѣнной правдивостью, биографію этой прелестной женщины, иѣ закричатъ: «*какой реализмъ, это бѣзправнѣніе!*»

А между тѣмъ, мы оба пишемъ *съ настури*! Живописецъ изображаетъ ангельскую умбку, а нашъ братъ долженъ рассказать для чего она предназначается. Живописецъ рисуетъ бразильянку, а нашъ братъ долженъ рассказывать ихъ исторію.

Говорите что хотите, но изъ десяти разъ сеѧнъ, ангель невинности долженъ бывать отъ вратить свое лицо и уступить место ювелиру.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИРИЗАРЬ СЧАСТЬЯ.

(Рассказъ Г...)

Окончаніе.

Когда мы такимъ образомъ шли, завернувшись въ наши плащи какъ муміи, по аллеѣ, которая вела въ большую дорогу, на бѣломъ фонѣ покрытаго именемъ *дѣса* вдругъ показалась черная фигура, приближавшаяся къ намъ по тропинѣ, которая укорачивала на большой кусокъ насточную большую дорогу. Фаничка, которая была блузорукая, хотѣла пройти мимо. И же узнала его тотчасъ и остановилась. Сестрица! закричала онъ и понялъ. Черезъ минуту она ужъ обнимала его. Но онъ смотрѣлъ чрезъ яГОЛОВУ на нее, какъ какой взглядъ это былъ! Онъ заставлялъ меня вздрогнуть отъ головы до пятокъ, какъ тогда при привосновеніи его руки.

Что же еще разъясняетъ вамъ обѣ этомъ? почти вскій переживалъ то время, когда думается только объ одномъ человѣкѣ, когда хотѣлось бы высказать всю свою душу и между тѣмъ едва находишь слова для того, чтобы поздороваться. Къ тому же онъ былъ отличный актеръ, никто въ дѣмѣ не замѣщалъ, ничего особеннаго, не разъ даже, что было хуже всего, я сама ничего не замѣщала. И видѣла, что онъ меня искалъ и былъ сердитъ на мене, когда и его изѣгѣла; и думала, что это нехорошо и съ него и съ моей стороны, а между тѣмъ я задрожала, когда разъѣзжала на лете его грустныи взглядъ.

Такъ прошла недѣля, праздники проводились въ замкѣ очень весело, между тѣмъ какъ я сидѣла одна сама съ собою и жила своимъ горькими думами. Въ праздникъ, онъ одарилъ всѣхъ въ дѣмѣ кроме менѣ; его маленькая сестра поблагодарила его за это, я же была благородна ему въ душѣ. Я не хотѣла, чтобы онъ считалъ меня глупой, потому что только въ этомъ знали могли рас惩罚ить на него подарокъ. Уже несколько дней я сидѣла и работала до самой ночи за нарядами моихъ барышнъ, которые онъ должны были надѣть на баль въ третій день праздника. На разстояніи трехъ часовъ ходбы отъ насъ было графской замокъ. Поговорили о женѣ Гастона на дочери графа, сама Фаничка думала о возможності этого бала и я видѣла, какъ сильно она этого желала. Даже баль не быть бы конечно

устроенъ, если бы ей братъ не прѣѣхалъ на праздники домой.

И такъ, я видѣла какъ послѣ обѣда отѣхъ-да отъ крыльца четверо саней и два всадника; потому что имѣетъ съ господами побѣзда; потому что все присутствуетъ. Только старый садовникъ, маленький конюхъ и я осталась стечь дома. Гувернантка уѣхала изъ вѣтъ праздники къ своимъ роднымъ въ одинъ пограничный французскій городъ. Только что экипажи скрылись изъ моихъ глазъ и я почтувшись тоска и грусть, такъ что я долго и горько плакала. Слезы облегчили менѣ, мы показалось, что и выплыла свое посѣдѣшее горе, и я утвердила себя, что когда и умру его опять, онъ будетъ для меня совершенно чужой, какъ давно забытая мечта. Ты сумерки и отираясь бродить по все му дому и занять въ его комнату. Долго сидѣла я въ креслѣ передъ его письменнымъ столомъ и рассматривала вещи, которыхъ были разложены и все казалось мнѣ, будто его самого уже иѣть на свѣтѣ и только эти вещи напоминаютъ еще о немъ. Такъ углабиненная въ своемъ мечты, я вспомнилась когда уже была темная ночь, только сѣть блестѣла еще черезъ окна со свѣдами; и чувствовалось, что ходы увеличиваются и ушли въ свою маленькую комнату, гдѣ разверла себѣ на ночь огни. Тутъ я замѣтила, что монъ сизы виродженія для совершенія истощился, такъ что я сдава-на заснула передъ трениніемъ въ каминѣ огнемъ, а между тѣмъ мнѣ надо было еще раздѣлиться и дойти до постели.

И заснула тотчасъ же и просыпалась всю ночь, сѣаны же не разбудили страшный сонъ. Я видѣла Гастона въ опасности и была очевь ради него оправдана и сообразила, что въ эту раду когда онъ спомнился и сообразила, что это онъ оставилъ овалъ бледнодѣтнѣйшимъ образомъ танцуя и только одно счастіе моей жизни въ опасности. Но мои ночные размышленія не долго оставались на дорогѣ великодши. Я видѣла его съ молодой графиней и другими красавицами и не желала его уступить ни одной изъ нихъ. Уголько менѣ одно только посознаніе, что ни одна изъ нихъ не сѣдала бы его такимъ счастливымъ, какъ я. Особенно вспомнилъ мнѣ я и о себѣ не имѣла, но мнѣ часто приходилось сравнивать себѣ съ другими и думать: безъ вѣнчанія бриллиантовъ и пари-довъ ни одинъ человѣкъ не обратилъ бы на мое особенное вниманіе. Я хорошо знала также, что въ постѣдній годъ и очень похоронѣла; я, какъ и затѣмъ моя имѣла сильную потребность въ радостяхъ, счастіи и веселіи, и знала, что если самъ мнѣ удастся быть счастливой, то я съмѣю также сдѣлать другихъ счастливыхъ.

Но вѣрно этому не суждено осуществиться, пусть будетъ, что будѣтъ: сказала я соверши-но решительно. Послѣ этого я сдѣлала такъ бодра, что о синѣ нечего было больше и думать; и чувствовалась себя въ моемъ одиночествѣ такъ спокойно и уютно, какъ никогда. Когда жаръ отъ топившагося каминu сдѣлалъ слишкомъ ощущителенъ, я открыла окно и стала сматриваться въ блѣдную зимнюю ночь; холодныи вѣзы тако морозы и ни одна вѣза на сѣль не шевелилась. Къ тому же и въ дѣмѣ было такъ тихо, что я слышала, какъ внизу въ будущѣтъ монъ барышнъ маленькие стѣнныи часы пробили одинъ за другимъ два, три и наконецъ четыре часа. Вдругъ мнѣ под-вѣзъ, что я слышу виды конской топотъ; вотъ онъ какъ будто приближается по большѣ аллѣ; я съ испугомъ прислушивалась. И дѣйствительно, это не обманъ, топотъ раздѣл-аетъ все грече и громче, вотъ ужъ кто-то сказ-четъ по двору замка; крики выразились изъ мой-хъ груди, и бросились съ постели на окно и посмотрѣли: Это былъ Гастонъ! Онъ соединя-ла лошади, проводилъ ее за узду къ маленькой пристройкѣ, где сидѣлъ старый садовникъ, тутъ

онъ постучалася и привезла ложьдъ къ одной изъ жердей, втынутыхъ для винограда. Болѣе же не глядѣть, мѣй было еще много хлопотъ, чтобы съскать при моемъ смущеніи плащъ. Только что я одѣлась, какъ услышала его шаги по лѣстницѣ и остановилась, какъ вспомнила посреди комнаты. Онъ также посторъжалъ лѣсью винограда, а могла разсыпать его ускользненіе дыханіе, потому онъ тихо постучалася и назвала меня по имени.

Кто тамъ? спросила я въ своемъ замѣшательствѣ, хотѣя отчего-нибудь знать это. Когда же онъ во второй разъ сказалъ: Магдалина! я не могла заставить его дальше ждать. Я отвернула задвижку и мы очутились другъ противъ друга. Это длилось только одну минуту; но проистекло ей въ лицѣ очутися въ его объятияхъ и все мученія и заботы были забыты.

Когда мы снова получили способность посмотреть другъ другу въ глаза, мѣй пришлось разсыпаться, не смотря на мое волненіе, до того все лицо его было покрыто именемъ, въ волосахъ и бородѣ висѣли у него тяжелыя блѣдныя сосуды. Онъ также засмылся, когда я провела по его волосамъ рукой, такъ что они азартѣли. Да, дитя мое, сказала онъ, я тебѣ приношу въ домъ ледянаго сѣдѣнья, ты должна его теперь оттаять. Пойдемъ! И онъ хотѣлъ снести меня въ свою комнату. И тихо отвелъ ее отъ двери и сказалъ: пойдемъ лучше внизъ. Я занесу къ каминѣ огонь и сейчасъ же стану тепло. Такимъ образомъ мы сошли рука въ руку съ лѣстницѣ очень медленно, потому что каждую секунду намъ нужно было останавливаться, смотрѣть другъ на друга и спрашивать, возможно ли, чтобы мы шли подъ руку, чтобы весь этотъ замокъ принадлежалъ намъ и никто не могъ придти разлучить насъ. Наконецъ мы сошли внизъ въ темную залу, я занесла къ каминѣ ёблѣдные пламя, а онъ бросалъ изъ корзины въ огонь только то, чѣмъ позѣ, пока огонь не разгорѣлся ярко, ярко. Туть въ залѣ еще стояла большая елка, а вокругъ нея множество столовъ съ подарами, будто єблѣдѣ; на стѣнѣ висѣли фамильные портреты его предковъ съ материнской стороны, большой рожокъ стоялъ еще передъ высохими дверями балкона. Когда огонь разгорѣлся и дѣлъ сталь съ его кудрями, онъ пододвинулъ кресло къ каминѣ, сѣлъ на него и взялъ меня къ себѣ на колѣнья и мѣй было тоже хорошо, опустивъ голову на его плечо, лежать на его рукахъ и чувствовать какъ талиши капли падали на мой горячій лбѣтъ. Гордое дитя, говорилъ онъ, теперь наконецъ я тебе поѣздѣю. Я молчала и, закрывъ глаза, думала: послѣ этого часа не будешь более никакой жизни, никакого счастія и никакого несчастія.

Потомъ я опять вдругъ сказала: ты вѣдь читала всѣ мои письма, знаешь меня такъ же хорошо какъ и самъ себѣ знаю. О тебѣ же я знаю очень немного, кроме самого главнаго, т. е. что ты меня любишь. Рассыпала, какъ ты жила прежде чѣмъ пришла къ намъ. Тутъ я рассказала ему какъ сѣмьи о моихъ родителяхъ и о пѣсняхъ моей матери; многие изъ нихъ я до сихъ было ему сѣять, между прочими и пѣсненіе «Que je vous ai!» онъ хотѣлъ слышать все слова и слова и при каждой словѣ цѣловалъ меня въ губы, пока я наконецъ не вскочила изъ побѣжала, дразни его, вокругъ стоя, онъ за мною, поймалъ меня и держалъ крѣпко обѣмы руками, и мы оба сѣмѣлись какъ маленькия дѣти. Послѣ того онъ сѣмѣлся съ瑟енемъ и сказалъ: И еще ничего не подаришь тебѣ къ празднику, хотя и приготовилъ подарокъ только для того, чтобы отдать его тебѣ, пріѣхала сюда изъ университета. Говори это, онъ вынуналъ маленький коечекъ, гладкое, золотое, а такъ какъ я вѣдь сѣмѣлась, то онъ спросилъ меня: отчего ты не хочешь его носить? Я молчала, но иною вдругъ овладѣлъ сильный ужасъ, я должна была извер-

вые подумать о будущемъ, и, сдавъ перевода духъ, спросила: стало быть это не шутка, Гастонъ? Дитя, сказала онъ, разѣгъ и уѣхѣлъ бы да шутить съ праздникомъ и проскальзывалъ бы два часа на ужасномъ морозѣ? Это невозможно, говорила я, онъ никогда не позволитъ! Да, если бы ихъ спрашивали! говорилъ онъ, сѣмѣясь. Кто много спрашивается, тотъ получаетъ много отвѣтѣвъ. И спросила только тѣ, кто въ большинстве не можешь мѣй сказать иѣтъ. И дѣятельно, я не могла этого, я притянула ему руку и она надѣла мїй на пальцы кольцо. Когда же я побѣжала это маленькое кольцо, онъ обнялъ меня, поднялъ съ полу и понесъ какъ беззимонного дитя черезъ все залы къ угро мымъ, старымъ фамильнымъ портретамъ. Дѣтели ли вы также свое согласие, прадѣдушка? Осмѣялся просить нашего балгословія, двоюродная бабушка. Безъ сомнѣнія вами нечего возражать, дѣлай? Теперь видишь ли, дитя, эти почтенные люди и пріичинные дамы совсѣмъ довольны мною, и дѣлай въ голубомъ шалѣ-формѣ фразъ съ бриллиантными пуговицами, должно быть большой знатокъ въ ювелирныхъ, смотрѣть на меня съ тихою завистью и думаетъ про себѣ:

Съ какой стати этотъ молодой чертепонктъ имѣетъ такою тонкую вѣсну, несмотря на то, что его отецъ гоїгир? При этомъ онъ отпустилъ расхохоталася и спустилъ меня тихо на коньки и мы ходили подъ руку по длинному залу и говорили о своей любви.

Каждъ лѣтнѣе время! Я не хотѣла вѣрить, когда часа въ будущарѣ пробили шесть, что онъ уже дѣлъ часъ со мною. Къ тому же было еще совершенно тепло, огнь въ каминѣ уже погасъ, только уголья были сѣе красны, какъ они больше не греѣтъ. Я задрожала и прижалася къ его руки; и думала: если онъ теперь уѣдѣтъ, падетъ кровь у меня застынетъ въ жилахъ. Ты уѣзжай? спросилъ онъ у меня: пойдемъ, я тебѣ снесу на твоемъ постелѣ. Я только покачала головой. Ты изъ самой дѣлѣ должна уѣхѣть? спросила я потомъ. Ты замерзешь по дорогѣ, утренний вѣтеръ такъ разѣйтъ, и чувствуешь его даже адѣкъ; какъ онъ дуетъ сквозь щели въ каминѣ! Онъ засмылся и сказалъ: Я замерзъ на душномъ балѣ, когда танцевала съ молодой графинѣй; тутъ онъ рассказалъ, какъ едва должна дождаться конца праздника, и когда всѣ гости разошлись по комнатахъ замка, потому что всѣ приглашеніи остались нѣочекать—онъ поспѣшилъ ко конюшнѣ и самъ осѣдалъ себѣ ложьдъ. Ихъ они подумаютъ, если хватятся еи, и увидѣть какъ та угромъ вернѣшилась назадъ? Пусть сѣмѣю думаютъ что хотятъ! сказала онъ. Эдѣ садовничий маленький Иванъ не выдаудъ меня.

А если бы даже и выдали, то я сѣмѣюсь надѣтими; и приобрѣла-ка икою заставить тебя запаковать, такъ и сюю упѣснѣ!

При этомъ онъ сѣлъ за рояль, сыгравъ и сѣль: «Que je vous ai!» Потомъ вдругъ вскочила и сказала: Пойдемъ, пора! Я сѣдовѣала за миѣмъ безсознательно, сердце готово было у менѣ выскочить. Такъ онъ меня вѣзъ вверхъ по лѣстницѣ, положилъ руку на мое плечо. Никто изъ насъ не говорилъ ни слова. На верхней ступени, прямо противъ моей двери, я остановилась. Понроимесъ адѣкъ, прорыла я его. Такъ ходиоди! спросила онъ тихо. Развѣ ты хочешь простишь со мною на сквозной вѣтру; на темной лѣстницѣ? Ты вѣдѣ должна идти, сказала я. Если ты туда вѣдѣши, а не отишу тебѣ больше въ такое морозное утро, а между тѣмъ ты должна бѣхать.

Я должна! сказала онъ, и я чувствовала какъ онъ сѣльше прижалъ меня къ себѣ. Что если я не хочу этого? Я хочу адѣкъ остаться. Этотъ часъ нашъ! Кто знаетъ, когда придется онѣ такой, который будетъ принадлежать памъ вѣши. Магдалина!... Тутъ иною овладѣлъ внезапный страхъ, и вырвалася изъ

его рукъ, вѣжливо въ свою комнату и заперъ ее за собою дверь.

Но онъ вѣтна подковысанъ, я быстро опустилась на порогъ, ударила себѣ головой о ручку двери и ломанъ себѣ руки. Взглядъ мой упалъ на противоположную стѣну, где было мнено пѣнѣще сидѣть моего отца, когда онъ былъ юношескимъ человѣкомъ. Въ комнатѣ было еще такъ темно, что я могла различить только темно патину наѣблѣй бумагѣ; но такъ какъ я знала напись каждую четку, то мїй показалось, что я ясно видѣла передъ собою его лицо въ смыслахъ какъ онъ говорилъ о добродѣтѣ, «несчастіе не возможно пока ты добродѣтельна». Мій смыкался, что онъ это говорилъ совсѣмъ вѣзъ меня, и одинако въ смыслахъ также черезъ двери Гастона я чувствовала себя такой несчастіей, что мнѣ лучше всего казалось тутъ же умереть на мѣстѣ.

Добродѣтель! было поислѣднее, что сказала Гастонъ. Ты еще раскаиваешься, Магдалина, что такъ жестоко прогнала меня! — Но съѣзъ этого онъ сѣмѣсь съ лѣстницы, и ударились въ слезы и смыкались среди своихъ рѣдѣній, какъ на дворѣ раздался конскій топотъ. Я не могла поднѣстровъ, чтобы посмотретьъ на него изъ окна. Я чувствовала, что не стонала того, чтобы онъ прѣизѣжалъ сюда для меня.

Рыдая и совершивъ безъ сна легъ я въ постель дрожа отъ лихорадки и вскакивая при малѣашемъ шумѣ, какъ будто окнѣда не прѣдѣлъ ли онъ опять и не постучится-ли въ дверь, — и тогда, если бы это стояло мїй жизни, я отвѣрила бы ему — а между тѣмъ я видѣла, что сѣе сильнѣе и сильнѣе шелѣ сѣбѣ и наконецъ поднималася вѣхъ, которая какъ мїй назалось, проникала и въ мою комнату.

Вѣхъ становилась все сильнѣе и сильнѣе и точно говорила мїй: ты будешь виновата, если онъ встрѣтится съ кѣмъ иѣбѣдѣ, потому что ради той онъ прѣѣхалъ сюда ночью и въ страшнѣй морозъ, чтобы сказать тебѣ, что онъ любитъ тебѣ больше всего на свѣтѣ и если ты съѣзъ это прогнала, твои глаза могли бы теперь вѣдѣть его, а твои руки обнимать его — а теперь ты знаешь, когда ты опять случится! Между тѣмъ въ завѣмѣніи вѣтра смыкались какъ будто человѣческіе голоса, почтны икрычали, вѣхъ въ парѣ ломанъ подъ тяжестью сѣбѣ, и при каждомъ такомъ шумѣ я вскакивала и думала. Не онъ ли это? тѣшѣло прошло два, три часа; было еще совсѣмъ темно — вѣдѣтельство носившемся стукѣ, но не мѣй мою дверь, а внизу въ ворота, та же сама, сильные удары какъ будто тумблъ топоромъ, потому что нѣсколько секундъ сїмѣло скомѣло, но вѣтъ опять — и теперь — сердце мое перестало бѣхать при этомъ звуки, — теперь я ясно размыкала рѣдѣнія ложьдъ, а звуки тонера были ударили въ конѣтъ. Отчего мнѣю тѣтчица же овладѣло страшное предчувствіе!

Развѣ я не могла подумать: Онъ передумалъ дорогой и снова возвращается ко мнѣ?

Итъ одной секунды я этого не думала; я чувствовала только страхъ и несчастіе. Накинувъ на потѣхъ пѣтѣ, я занесла сѣбѣ сѣбѣ, и стремительно кинулась съ лѣстницы и выбѣжала на глубокій засыпанный сѣмѣнѣ дворъ къ воротамъ, где еще прѣодолѣвали стучать. Тутъ я хотѣла отодвинуть заслонъ, но не расшибъ себѣ руки къ кровѣ, а не могла этого сдѣлать. Мій хотѣлось позвать Гастона, но чѣмъ, если теперь никто не отвѣтишь? подсказывалъ во мнѣ страшнѣй гость. Лошадь заржала еще нѣсколько разъ, что наконецъ разѣбдило садонника, который съ фономъ въ рукахъ вышелъ изъ своего маленькаго жилища. Мы оба молчали, онъ вѣроятно думалъ то самое, чѣмъ не было въ состояніи выговорить мой языкъ. Однимъ движениемъ онъ отворилъ ворота и поспѣшилъ за пѣтѣнами.

Тамъ столпа дрожащая лошадь, вся въ пѣтѣ не смотря на зимнюю вѣшъ, — безъ сѣдока!

Она такъ жалобно ржала, не могла успокоить ся несмотря на все ласки старика и постоянно повторявшиа въ дъртъ, какъ будто прошла настъ: подите же и посмотрите что случилось! — Мѣй казалось, что я должна стыдиться этого животнаго, такъ оно чувствовало по человечески, да такъ степени сочувствовало своему господину, котораго и прогнала и послала на смерть.

Онъ должно быть свалялся, сказалъ старикъ. Помогите, этотъ бѣзъ животнаго совсѣмъ на скуку. Только-бы не случилось никакаго нѣбудь несчастія! Останьтесь здѣсь; я и пробѣгу по дорогѣ въ лѣсъ; можетъ оно нуждается въ по мощи?

Нѣтъ, отвѣчала я, я иду съ вами. — Онъ не могъ меня отговорить и я позволила ему только набросить на меня старую покрывало, потому что я была безъ шапки и безъ плаща. Въсюта стала затихать, и когда мы прошли за лошадью къ некоторое пространство черезъ лѣсъ, то спѣть совсѣмъ пересталь и тамъ и сямъ стали виды на небѣ звезды. Мы шли поспѣшно; старикъ смотрѣлъ на лѣво, и направо на покрытую сѣльгомъ землю; тамъ мы слышали часть не произнесиши слова, пока наконецъ онъ сказала: Тутъ начинается скверное мѣсто. Я посмотрѣла туда и тотчасъ же поспѣшила его. Тутъ былъ деревянный мостъ чрезъ большою оврагъ, куда во время дождей набиралась вода. Здѣсь лошадь снова заржалъ и я должна была остановиться, потому что мои ноги отказывались идти далѣе. Г-н Гастонъ! закричала старикъ. Но странное моченіе не прерывалось.

Поддергивая лошадь, сказала онъ, и подади мнѣ узду; я хочу сойти внизъ. Мостъ ужасно скользъ. — Скоро послѣ этого онъ позвалъ меня снизу. Идите сюда! онъ здѣсь! помогите мнѣ!

Я оставила узду и бросилась внизъ. Сѣльгъ осѣялъ на стѣно, что еще сверху можно было видѣть кто лежалъ тамъ внизу. Около его головы было темное пятно на блѣломъ фонѣ и та же темная пятна покрывали его платье, засыпанные сѣльгомъ. Когда я увидѣла это, со знаніемъ оставилъ меня и ушла на землю возѣтъ него. Но я ясно помни, что тотчасъ же пришла къ себѣ, потому осталась съ нимъ одна и все это мѣй показалось сномъ. Къ тому же я не могла повернуть на однимыи члены. И только глядѣла пристально въ его лицо и на красныя пятна на сѣльгѣ. Мѣй казалось, что со мной уже все покончено; пусть только еще по сайдинъ каплю крови во мѣй замарнулась, и тогда все будешь хорошо! думала я, и, чтобы гора ничего нечувствовала, тщѣ было все тихо во мѣй и покрутила мѣй.

Но вотъ слова я услыхала голосъ старика и другихъ людей и опомнилась; я позвала ихъ и пока она установили на берегъ маленький позовушъ, я старалась поднять Гастона и почувствовала только теперъ, когда онъ лежалъ на моихъ рукахъ, что всякая помощь ужъ бесполезна. Люди вынесли его на рукахъ изъ ямы и положили на позовушъ, въ которую онъ вприглушился. Это были простыни изъ близайшей деревни; они всеѣ знали Гастона: съ ними были и фельдшеръ, который сѣлъ также на позовушу и вородилъ всемъ дороги старалась привести его къ жизни. Я и другиѣ шли вслѣдъ. Но никто не изѣлъ силъ спросить, проснется ли онъ сно-ва. Когда мы возвращались въ замокъ, моя ка-жущееся мужество меня оставило.

Ложиться въ постель, сударыня, говорилъ мѣй старикъ. Вѣдь мы не можемъ больше ему помочь. Хорошо сѣ, что онъ не много страдалъ. Во время наденія онъ уже долженъ былъ потерять сознаніе.

Не знаю какъ я пережила это несчастіе. Была ли это сила или счастье, но всеѣ остальныхъ бѣдствій жизни, какъ я только могу придумать, кажется мѣй передъ этимъ несчастіемъ только жалкими, ничтожными испытаниями.

Жаль только, что нельзя оставаться на всегда таѣвой безучастности, какъ въ первыя минуты. Если-бы я осталась такой какимъ, каково была на другой день послѣ этой ночи, то конечно все кончилось бы со мной гораздо скверне. Если-бы мѣй тогда вѣкали въ тѣло раскаленныи гноиды, то и жажды бы и не вздрогнула. Все, что я должна была выслушать, когда въ пойдѣніи приѣхала мать и дочери, есть горькія оскорблѣнія, съ которыми меня прогонили какъ разратную женщину, принесшую несчастье въ домъ, какъ бездушную убийцу, которую ни одного часа нельзя было бѣрѣть въ семье — все это не трогало меня ни минуты. И не сказала ни слова въ свое оправданіе. Если-бы я рассказала имъ всю правду, то разве мѣй покибрѣли бы, да и легче-ли бы мѣй было отъ этого! Если-бы я не признала меня виновиной, то разве я сама счита-бы себя менѣе виновной, и разѣ это разбудило-бы мертваго?

Я не могла неизвѣдѣть этихъ бѣдныхъ людѣвъ, которые освободили меня. Разѣ и не похотила я и не погубила бѣдствительноихъ любимица, ихъ гордости и радости?

Что мѣй было теперь въ томъ, что я, уходя изъ нынѣшней изъ ихъ дома, могла наслаждаться сознаніемъ своей добродѣти? Она была теперь сѣльга, пѣва и чиста эта добродѣть. И одиночко и ужасъ пробиралъ меня до мозга костей. Такъ продолжалась недѣля иѣскансъ, пока наконецъ я до того не замучилась, что заснула горячечнымъ сномъ и очнулась холодной какъ статуя.

Кругосвѣтныи путеше- ственница.

Большой день празднованія сорокового года существованія Берлинскаго географическаго общества, 26 апреля 1868 года. Г. Леманъ предложилъ тостъ за женщины, сказавши при этомъ следующую рѣчь:

«Сего дня, географическое общество со полнымъ основаниемъ можетъ привѣтствовать женщины, какъ своихъ собратьевъ, потому что именно въ науку землевѣдѣнія наши современные женщины сдѣлали многое и заслужили беззрѣничное сочувство своихъ современниковъ.»

Наше время, стремящееся открыть для женщинъ новые пути бѣдствітельности и облегчить тѣ, которымъ уже существовали прежде, видѣло даже на тернистомъ пути научныхъ путешествій многие замѣчательные подвиги слабой половины человѣковскаго рода. Въ числѣ такихъ сподвижницъ, назовемъ сперва нашу уважаемую соотечественницу г-жу Иду Иффѣръ изъ Бѣннъ, которая, за свою труды, избрана была почетнымъ членомъ парижскаго географическаго общества и вѣтрѣна съ чрезвычайнымъ почечнъемъ изъ Берлина, который посыпалъ передъ начальникомъ своего посыльного большаго путешествія. Г-жа Ида Иффѣръ, отъ 1842 г. до своей смерти въ 1858 году, сдѣлала пять большихъ путешествій, изъ которыхъ четыре описаны ею самко. Первые два путешествія могутъ считаться сравнительно незначительными: во время первого, путешественница была въ Палестинѣ и Египтѣ, а во время втораго, въ Скандинавіи, Исландіи и Ледовитомъ морѣ. Послѣднія три ея путешествія имѣли уже особымъ обдуманнымъ планъ и вполнѣ научное значеніе. Одна посылала континенты и острова всѣхъ пяти частей света и прошла пѣшими кромыемъ огромнаго пространства. Найдя радушное гостепримство у жителей Мадагаскара за блузони и послалась въ тюрьму, где она выстрадала полтора года. Это варварское насилие

положило предѣлъ ея научной дѣятельности. Она не успѣла издать своего третьего большаго путешесвія по причинѣ сильной болѣзни, полученной ею въ заточеніи; отъ этой болѣзни она и умерла въ Бѣннъ въ 1858 году.»

«На рѣчу съ Идой Иффѣръ изъ Бѣннъ Тониѣ изъ Роттердама, которая оказала большіе услуги въ области землевѣдѣнія. Въ 1862—63 годахъ, устроила она экспедицію къ Бло-му Инал и къ Судану, которая стала болѣе ста тысячъ таїдеровъ. Для этой цѣлы, она построила собственный пароходъ въ Барѣ, на которомъ и отправилась съ своимъ обѣмъ дочерьми и многочисленными мужьями въ женскіе общества. Въ Картумѣ, она на выгоднейшихъ условіяхъ привезла пѣмѣцкихъ путешесственниковъ: Гейхайна, доктора Штѣйдера и Шуберта. Эти ученые готовились тогда предпринять путешесствие въ Африку для отысканія доктора Фогеля. Они признали предложеніе г-жи Тониѣ и покибрали ее на пароходѣ впередъ по Бѣлому Нилу, откуда начали насыдаванія и во внутренность страны. Къ несчастью г-жи Тониѣ, одна изъ ее дочерей и гг. Штѣйдеръ и Шубертъ не перенесли климата и погибли. Счастливо возвратились изъ экспедиціи только дѣвичка Алексіна Тониѣ и г. Гейхайнъ. Гейхайнъ описалъ свое путешесвіе Петермановскими «Географическими Миттенцигелемъ», а позѣйтѣй сдѣланный попалъ на французскую и англійскую языкзыки. Дѣвичка Алексіна Тониѣ, юная всегда верхомъ впереди караравана во время насыдаваній на суходѣмъ пути, была привѣтствуемы дикими негрскими племенами какъ dochь Великаго Стамбульскаго султана и первѣй проповѣдашемъ королевъ Судана. Тенецъ эта неустомимая путешесственница находится въ Сахарѣ съ значитель-но увеличившейся свитой и имѣетъ сильное пред-положеніе изобрѣтъ на Синія горы, а потому, если возможно, черезъ пустыни и до сихъ поръ недоступныхъ дорогъ, проникнуть въ столъ на-до еще изѣвѣстное владѣніе Тунбукту. Но пути, къ ней всдую присоединяются ученые и нау-ристы посыпаемыи ею странъ.»

«Третье сподвижники на пути научныхъ от-крытій, супруга знаменитаго насыльника утельиѣ Нила, сара Самуэль Бакера. Она не-только раздѣляла всѣ труды и опасности со своимъ мужемъ во время путешесствія его во внутренность Африки, съ пропаданіемъ невольни-ковъ, но нерѣдко спасала его даже отъ смерти, благодаря своей неустранимости и присутствію духа передъ дикими негрскими племенами, ко торые никогда еще неизвѣдывали блой женщинъ и считали г-жу Бакеръ какимъ иную божественностьѣйшаго.»

Въ Америкѣ, въ одной изъ высшихъ школъ Соединенныхъ Штатовъ, г-жа Балдинъ зани-маєтъ каѳедру греческаго языка. Въ Нью-Йоркѣ многиѣ дамы изѣаютъ лекціи Политической экономіи. Въ числѣ преподавателейъ въ высшихъ американскихъ школахъ есть даже одна дама — негританка.

О знаменитомъ путешесственнике Ливингсто-ни, полученымъ наѣздъ, что онъ возвращается на родину и везетъ съ собою множество любопыт-ныхъ вещей и изѣвѣстій.

Новая мода.

Никогда новая мода, покрайней мѣрѣ та, ко-торая слѣдуетъ большинство, не отбрасываетъ совер-шенно того, что существовало прежде и не создаетъ нового прamo на обѣзмѣнѣ стараго. Она и переходи съ большей или меньшей постепенностью и старо въ ней исчезаетъ, сливаясь съ новымъ и переходя въ его составъ. Понидому, совершиенно гладкая платья начали прошлое сезона, составляютъ разительную про-тивоположность нынѣшнимъ фіижмамъ. А между тѣмъ, собственно фіижма дѣлается уже изъ второй, верхней юбки, а нижняя остается

всѣ та же юбка; а такъ какъ паньи всего лучше сидеть на юбкѣ, которая имѣетъ складки сзади, то это легко пополнить подъѣзжайшыемъ внутрь волосатымъ туриоромъ. Такихъ туриоровъ мы приложили нѣсколько въ № 7 Модного Свѣта. На рис. 1 № 7 буде даже еще болѣе легкий способъ сдѣлать моднымъ кое-кое платье. Стоитъ только пришить изнанку рюшъ туриора на жесткую кисей или марлю и украсить бантами и отдѣльной подошвой кѣлтью.

Вѣроятно принесла въ соображеніе и то, что трудно будетъ подыскать матеріи одинаковыемъ съ платьемъ. мадамъ всевозможнѣйше позволяетъ дѣлать паньи другаго цѣла. Такимъ образомъ, очень легко оставить уже понеженное платье, разумѣется сбоядая при этомъ гармонію, какъ въ цѣлахъ, какъ и въ добродѣтѣ матерій. Матерія съ пестрой рисункомъ или полосами всегда требуетъ *заключенія* добавленія, а которую изъ двухъ употребить на верхнее платье, буде зависѣть отъ свѣжести тканіи и личнаго вкуса. Правило только одно: Нижние паньи всегда менѣе богаты чѣмъ верхнее въ на него болѣе идутъ полосаты матеріи. Даже и безъ двойной юбки можно обновлять уже нѣшнѣе паньи. Къ скрому и коричневому цѣлѣмъ идутъ арии отдѣльки, такъ что разныи бѣзъ и обворожимо покрыть много панѣнъ и нальонъ. Шотландскіе узоры онтять въ модѣ и входить въ составъ большей части костюмовъ, по преимуществу однотонныхъ. Атласъ встрѣчается повсюду и имѣетъ всевозможные отдѣльки. На нижегородской ярмаркѣ всего сильнѣе шьлы нальонъ годъ имѣніе атласъ съ пеньково, и дѣйствительно, это самая эффектная и наименѣе дорогая отдѣлка. Атласъ является теневъ и полосаты.

Большіе паньи также можно обновлять по нѣсколько разъ, набрасывая на нихъ разные тонации изъ кружева, тюля, газа, тонкой кисеи и ванги. Нѣшній обѣймъ складками драпировкой, очень изящно прикрываютъ цѣлѣнной чахоль, такъ что никакой зоркій глазъ не различитъ на немъ пачки Край нижней юбки, также не покрывается буфами и волнидами.

Перчатки носить очень длинными, съ тремя и даже четырьмя пуговками; цѣль вѣкъ преимущественно матовый, сѣтчатыя отѣзывки. Бѣлые перчатки, даже и при бѣльяхъ панькахъ, считаются уже привычною вѣснѣ.

Шапочки причесываются косами, буфами, руло, большими и малыми локонами. Переди волосы зачесываются вверху или раздѣляются на поло-вина поперь и верхняя зачесывается вверхъ. Бѣлокурые волосы почти всегда крецируются, вѣвѣаются или занѣвѣаются, а черные напротивъ оставляются въ естественномъ видѣ, чтобы не утратился ихъ блескъ.

Кромѣ лентъ, въ волосахъ носятся почти исключительно цѣль, просто или съ кружевными наползами, бармы которыхъ скрещиваются на груди. Наколки похожи на дамъ имѣть неизмѣнную форму скѣты съ верхней косыничкой.

Дѣти и очень молодыя девицы распускаютъ волосы просто и перевязываютъ ихъ лентами. Еслиже волосы очень длинны, то ихъ заплетаютъ въ распущенныи косы, но дѣль и по три, съ вѣстенными въ концы лентами.

Для круглыхъ и французскихъ шапокъ, отѣлья большей частью состоять изъ перьевъ. Нерѣдко встречаются круглые шапки *совершенство* изъ перьевъ, съ бантами или птичий головкой.

Сорта же бѣлье имѣетъ преимущественно форму башмака въ различныхъ видоизмененіяхъ. Бѣлые башмаки съ вышивками считаются самыи изящными.

Кринолинъ есть неизбѣжная принадлежность нѣшній костюмовъ, а о томъ, какъ прокро-

-новѣйшій косы юбки, читательницы найдутъ указаний въ будущемъ № 7 Модного Свѣта. Выкроики съ новорогами рисуются теперь въ уменьшеннѣи видѣ тутъ же на листѣ, чтобы легче было восстановить отдѣльной части.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Дѣло Москѣ скончалась зарвавшая артистка Нинулинъ - Косицкая. Всѣмъ, видѣвшимъ

ее хоть разъ изъ пьесъ Островского или вообще въ пьесахъ изъ русскаго быта, почти уже не могъ потому удовольствиться никакимъ исполненіемъ. Даже и въ старости, игра г-жи Косицкой отличалась сильнымъ одушевленіемъ, а съ симпатией уже и говорить нечего. Г-жа Нинулинъ была болѣма два года и за это время средства ея такъ истощились, что говорить, ихъ едва достаю на похоронъ.

Жизнь и фельетонъ изображаютъ самыи различные контрасты, въ доказательство чего, тотъ часъ послѣ печального изѣйтія, мы поведемъ своихъ читателей въ балетъ, где дебютируетъ новое сѣтило г-жа Генриета Доръ. Здѣсь артисты увидятъ чрезвычайно красивое лицо съ выразительнейшими черными глазами и услышатъ громы рукоплесканий. Такого блестящаго дебюта подобанныи не запоминаетъ со временемъ Фанни Эльзедера. Такъ же дебютировала даже знаменитая Адель Гранцева. Къ сожалѣнию, мы лично не обладаемъ общирными сѣтильями по балетной части и приуждены замѣтствовать ошибку совершеншеста новой балерины у специально-балетнаго корреспондента газеты: Г-жа Доръ достигла совершеншеста въ отдѣльѣ такихъ техническихъ трудностей танцевъ и такихъ новыхъ темпово, которые положительно не посыпаны ни одной изъ современныхъ балеринъ, разумѣется за исключеніемъ г-жи Адель Гранцевой, для которой, давно уже известно, что исключительность мѣжъ нея, никакихъ трудностей не существуетъ. Дебютирая особенно отличалась: безукоризненной школой, привычной выработкой ногъ, изумительной быстротой движений, безъ нарушения одинаковой долгой чистоты и отчетливости, и необыкновенной силой носковъ. Ея двойные пируеты просто волго, какой-то вихрь; въ мелкихъ па она не уступаетъ въ прырокахъ Розали и Муравьевъ. Въ балетѣ Корсаѣ, г-жа Доръ порадовала зрителей искусству таѣь называемыи *rigoche* г-жесъ. Дебютиранка одарена замѣтчательной гибкостью, пластичностью въ позахъ и грацией въ движеніяхъ. Что же касается мимической игры, то она сразу заявила себѣ опытной драматической артисткой въ полномъ смыслѣ этого слова. Мимика ее энергична, осмыслена, благородна и вполнѣ естественна; въ игрѣ балерины пѣть тѣль рутинныхъ, мелодраматическихъ приемовъ, которые обыкновенно составляютъ недостатокъ большинства танцовщицъ.

Въ добывокъ, г-жа Доръ отличается большой подвижностью лица и вообще весьма счастливо спечатльной наружности. Если принять все это въ соображеніе, то бастацій и мн. можно даже сказать, колossalный успехъ г-жи Доръ, совершенно понятенъ и вполнѣ естествененъ. Г-жа Доръ дебютировала въ «Корсаѣ», въ котороѣ никогда еще не танцевала до появленія своего на Петербургской сценѣ. Роль свою она изучала не болѣе какъ въ дѣлѣ недѣли.

На французской сцѣнѣ три новыхъ сюжета. Намъ случилось видѣть пока только г-жу Вини, ангажированную на роли благородныхъ матерей вместо г-жи Вольшинъ. Не смотря на трудность угодить публикѣ послѣ такой любмой и талантливой актрисы, г-жа Вини произвела чрезвычайно хорошее впечатление. Игра ея отличается умомъ и изысканностью, наружность очень приятна, голосъ симпатичный. Въ день первы-

го дебюта, можно было пожалуй упрекнуть г-жу Вини въ нѣкоторой ходячности или скромности сдержанности, но всыма вѣроятно, что это зависѣло отъ волненія при первомъ знакомствѣ съ новой публикой. Видѣвшись г-жу Вини въ другихъ пьесахъ сообщили намъ о ней очень положительные отзывы.

На вѣмѣрѣ сцѣнѣ, изъ трехъ вновь прѣбрѣтенныхъ примадоннъ, вниманіе можетъ привлечь только г-жа Ротмѣръ. Игра ея, хотя далеко не заставляетъ забывать предыдущую г-жу Рабе, но все-таки отдаѣтъ грацией и естественностью. Является г-жа Ротмѣръ въ тѣль же самыхъ рольяхъ, въ которыхъ играла и ея предыдущая предшественница и публика принимаетъ ее очень внимательно.

Съ началомъ зимнаго сезона, сѣзажаются путешесвнніи со всѣхъ сторонъ, сѣзажаютъ большую часть не въ духѣ, потому что кончился отдыхъ и приходится приниматься за дѣло. Въ такихъ случаяхъ, досада срываетъ обыкновенно на путяхъ сообщенія; принимаютъ сѣзажованіи на усталость и мечтать — но хотѣбы о воздушномъ путешесвніи. Кстати же изъ-за лѣтавшихъ машинъ выставлено въ хрустальномъ дворце Лондонъ и наградой доказываютъ, что если летать по воздуху, принадлежащій уже не одному миру фантазии или флаго-софийскіхъ мѣтаний, а переселается на почву трезвой науки.

Съ начала нѣшнаго столѣтія, пробовавъ совершасть нѣсколько путешесвній въ воздушномъ шарѣ, но употребленіе водородного газа оказалось неудобнымъ, такъ какъ шаръ въ этомъ случаѣ слишкомъ быстро пропускаетъ атмосферный воздухъ сквозь свою оболочку и, по мѣрѣ наполненія обыкновеннымъ воздухомъ, опускается внизъ. Гринъ первымъ наполнилъ свой шаръ угледороднымъ газомъ, который не такъ легокъ какъ водородный, но все же значительно легче атмосферическаго, и совершилъ свое знаменитое 48 часовъ путешесвніе изъ Лондона черезъ Голландію и Бельгію. Послѣ этой удачной попытки, воздушоплаванія сдѣланы все чаще и чаще и на шарахъ поднимая не только людей, но и лошадей. Теперь, для наполненія шара, употребляютъ угледородный газъ въ различныхъ соединеніяхъ, нерѣдко даже оѣтѣльного газа, который только немного легче атмосферного воздуха; но за то эти шары поднимаются не очень въ око. При обыкновенныхъ воздухоплаваніяхъ, приуждены бываютъ брать много балласта и выбрасывать его по мѣрѣ надобности, для того, чтобы шаръ поднимался выше. Для опускания же шара существуютъ крыши, посредствомъ которыхъ выпускается газъ, но зато утрачивается возможность подняться въверхъ. Вѣроятно, шаръ всегда поддержанъ порѣхъ и тогда воздухоплавателямъ угрожаетъ смертельная опасность.

Вѣтъ для того, чтобы какъ можно менѣе подвергаться кипранию здѣль и больше на мѣсто по своему приводилъ управляемъ воздушнымъ путешесвніемъ, и выставлены въ Лондонѣ упомянуты нами машины.

Модель Лунтланда представляетъ шаръ въ видѣ рѣбы, подъ которымъ виситъ лодка съ плавающей машиной; горючій материалъ долженъ состоять изъ нѣкотораго рода осѣтительного газа. За переднемъ концѣ шара сдѣланъ винтъ, крылья котораго поставлены такъ, что отталкиваютъ воздухъ отъ шара впередъ; сзади винтъ сдѣланъ такими же крыльями, которыи сгигаютъ воздухъ къ шару и существо, что по мѣрѣ изобрѣтателя должно подталкивать шаръ впередъ. Руль находится на синѣй шарѣ, какъ у рыбъ спинные плавники. Къ сожалѣнию, модель эта еще не подвергалась экспериментамъ.

Спенсеръ представилъ машину въ формѣ бачочки для одного пассажира, который она кѣлью окутывается плащомъ. Справа и слѣва крылья, на которыхъ кладутся руки и руки

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

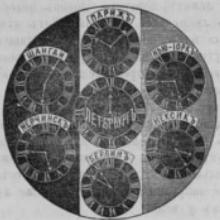

Жители всѣхъ городовъ Россіи, кроме С.-Петербурга, желавшіе купити эту швейную машину, или же принять на себя агентуру этой въ большихъ городахъ, благоволятъ обращаться къ единственный по всей Россіи агентуру компании Willcox & Gibbs, ИЛ. БЛОУЗ, въ Москву, на Кузнецкую улицу, въ домъ Киприана Голицына.

Такъ же издаются всѣхъ известная швейная машина Гауса издавшаго и выборъ матеріаловъ для швейныхъ машинъ.

Объявленія, помѣщающіяся въ настоящее время въ газетахъ, о имѣющихъ выйти въ свѣтъ Календаряхъ на 1869 годъ, ставить публику въ затруднительное положеніе относительно удачнаго приобрѣтенія себѣ экземпляра одного изъ изданійъ календарей, а потому я какъ издатель всѣхъ извѣстнаго

„ВСЕОБЩАГО КАЛЕНДАРЯ“, (въ КРАСНОЙ ОБЕРТКѢ СЪ ЧАСАМИ)

Имѣю честь довести до сѣдѣнія благосклонной публики, что я приступилъ къ изданию этого календаря на 1869 годъ, въ которомъ будетъ помѣщено большое количество разнообразныхъ сѣдѣній, пропѣренныхъ по самыи вѣрныи и послѣдніи источникамъ, такъ что приобрѣтшій календарь моего изданія найдетъ въ немъ необходимую справочную книгу, могущую доставить ему вѣрѣшія сѣдѣнія.

ВСЕОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ моего изданія, не имѣть ничего общаго съ издаваемыми календарями, подъ изваніемъ: «Пятиконечный Всеобщій Календарь» и «Пасторальный Календарь», а потому желавшихъ приобрѣсти настоящій **Всеобщій Календарь** на 1869 годъ, покорѣбѣше пропшу, во избѣженіе ошибки при покупкѣ, спрашивать

ВСЕОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ изданія Германа Гоппе.

Цѣна Всеобщему Календарю моего изданія: въ бумагѣ безъ пересылки 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 30 к., въ папкѣ безъ перес. 1 руб. 25 к., съ перес. 1 руб. 50 к., въ коленкоровомъ переплѣтѣ безъ перес. 1 руб. 50 к., съ перес. 2 руб.

Всѣ перепечатки изъ моего календара, т. е. контрафакцію, я буду преслѣдовывать законными порядками.

Издатель «Всеобщаго Календаря»
ГЕРМАН ГОППЕ.

РЪЗЕЦЪ для сниманія рисунковъ и выкроекъ, продаются въ Конторѣ Редакціи журнала **„МОДНЫЙ СВѢТЪ“**, у издателя Германа Гоппе, по Бол. Сад. ул. д. Ильина № 16.
Цѣна 60 коп. сер., съ перес. 1 руб. сер.

ЖУРНАЛА „МУЗЫКАЛЬНЫЙ СВѢТЪ“ въ 1868 году,

Съ 1-го Января по 1-ое Сентября вышло 8 номеровъ, которые кроме объяснительного текста на русскомъ и французскомъ языкахъ, содержатъ въ себѣ 89 различныхъ пьесъ для фортепіано въ 4 руки, въ 2 руки, танцы и пѣніе съ аккомпанементомъ на фортепіано. Вышедшій за Сентябрь мѣсяцъ № 9-й Музыкальный Свѣтъ заключаетъ въ себѣ портрет г-на Вильельма и слѣдующіе пьесы:

SPINDLER. op. 94. Marsy изъ оп. Танглера Р. Вагнера 4 mains.
KETTERER. op. 209. Mignon Fantaisie brillante.
MEREAUX. Scirocco. Mélodie de Meyerbeer.
MEREAUX. Guide au bord de ma nacelle. Mélodie de Meyerbeer.
Fr. SCHUBERT. op. 94. Moment Musical.
H. LICHNER. op. 13 № 1. Minnelied. Mélodie-Etude.

H. LICHNER. op. 13 № 5. Gondellied. Mélodie-Etude.
KOELLING op. 47. Au plaisir de vous revoir. Impromptu.
AUBER. L-Eclat de rire (Lauchlied).
WISSOTCHANSKY. Souvenir de Lesnoi. Polka.
J. IOTTI. Qui peut aimer tels que stans. Romant.
БУРАКИНЪ Клав. Листовъ. Романсъ.

Подписная цѣна въ годъ: безъ пересылки 12 руб. сер. съ пересылкою 13 р. 50 к. Вмѣстѣ съ иллюстрированнымъ журналомъ для лѣнъ, **„МОДНЫЙ СВѢТЪ“** съ I издан. 14 руб. безъ дост. и 17 р. 25 коп. съ перес. — Со II издан. 15 руб. безъ дост. и 18 р. 50 к. съ перес. —

СОКРОВИЩЕ ДЛЯ МАТЕРЕЙ СЕМЕЙСТВЪ.

Школа эта, составленная гг. Брассеръ Йотти, тщательно приспособлена къ облегченію преподаванія первыхъ началь музыкального искусства, для лѣнъ, желающихъ сами заниматься музыкальнымъ воспитаніемъ своихъ дѣтей. Я надѣюсь, что Матери семействъ, содергательницы пансионовъ, и гувернантки, живущія внутри Россіи, не преминутъ приобрѣсть это весьма полезное сочиненіе, котораго назначение—существеннымъ образомъ способствовать къ прогрессивному развитію умственныхъ способностей въ молодыхъ ученикахъ.

Цѣна для подщичиковъ на Музыкал. Свѣтъ въ Петербургѣ 3 р. 50 к. сер.
— — — съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи 4 р. 50 к. сер.
— — — для прочихъ лицъ въ Петербургѣ 5 р. " " "
— — — съ пересылкою 6 р. " " "

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ изъ свѣтъ прибавленіе къ **„Сокровище для матерей семействъ“**.

При этомъ номерѣ прилагается объявление о швейныхъ машинахъ А. Крумбюгеля.

Главная Контора Редакціи ГЕРМАНА ГОППЕ находятся въ С.-Петербургѣ, по большой Садовой улицѣ въ д. Ильина, № 16.

Дополнено цензурой. С.-Петербургъ, 25 Сентября 1868 г.

Издатель Герман Гоппе.—Редактор Ю. П. Поморцева.

Типография въ Литографіи Карла Крѣт, у Аничкова моста, д. № 48.